

В. И. МАЖУГА

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ РУКИ ПИЩА В ПАЛЕОГРАФИИ И КОДИКОЛОГИИ¹

26—27 апреля 1971 г. Археографическая комиссия при Отделении истории АН СССР провела в Москве специальное заседание, посвященное методике идентификации почерков. Так, авторитетный научный орган засвидетельствовал, сколь значительное место в изучении рукописей средневековья и эпохи Возрождения заняла в последнее время работа по отождествлению почерков. Исследования, задача которых состоит в доказательстве того, что данные рукописи или записи принадлежат руке того или иного человека, в последнее десятилетие весьма умножились и область их приложения заметно расширилась. Настоящая статья представляет некоторую их сводку. Мы не ограничимся учетом способов отождествления почерков, но рассмотрим, как различные исследователи определяют индивидуальное своеобразие работы пишущего во всех ее сторонах, а не только в почерке.

До начала шестидесятых годов отождествлением руки писца занимались более всего издатели текстов. Таким путем они обнаруживали новые автографы и пытались установить авторство отдельных текстов. Теперь же отождествление руки писца стало источником богатейших данных и для кодикологии. Сама кодикология утвердилась как самостоятельная наука лишь в послевоенные годы; изучая технику изготовления книги и организацию книгопроизводства в тех или иных областях в различные периоды, кодикология вошла составной частью в общую историю культуры. Благодаря данным отождествлений кодикологи обнаруживают интересные культурные связи, воссоздают историю появления отдельных рукописей и т. п. Развитие кодикологии и вызвало появление большей части новых исследований по отождествлению

¹ Под «рукой писца» в нашей работе понимается своеобразие работы человека, графически воплотившего некоторый текст и выступающего в роли писца, независимо от того, является ли он копиистом или также и автором текста.

руки писца; за дело взялись специалисты, для которых все аспекты работы писца являются одним из основных предметов изучения. При общем внимании к индивидуальному своеобразию письменных начертаний данные отождествлений стали последовательно применяться и в архивоведении, где с их помощью восстанавливается история рукописных собраний, прослеживается перемещение тех или иных рукописей. Наиболее плодотворным образом результаты отождествлений использованы в новейших исследованиях греческих, а также русских рукописей.

Последовательными усилиями ряда исследователей выявлены почерки многих десятков греческих писцов,² благодаря чему раскрылись некоторые стороны работы по переписке греческих книг в эпоху Возрождения. Например, стало известно, что половина греческих кодексов, созданных в Западной Европе в XV—XVI вв., была написана греками — выходцами с Крита. Б. Л. Фонкич считает весьма полезным издание альбома, где были бы воспроизведены образцы письма греческих писцов, показывающие вариации и эволюцию их почерка.³ Такой альбом поможет установить имена создателей многих рукописей и вместе с этим, показывая последовательность изменения в письме того или иного писца в течение его жизни, позволит во многих случаях определить время и — при достаточной полноте биографических сведений о писце — место написания рукописи, имя заказчика и т. п.

Б. М. Клосс, соединив обстоятельное текстологическое изучение ряда русских рукописей XVI в. с рассмотрением индивидуальных особенностей письма, которым они были написаны, установил, что эти рукописи представляют собой плод организованной работы двадцати писцов. Изучив порядок их работы и участие в ней митрополита Даниила, он показал, что в первой половине XVI в. в Москве при митрополичьем дворе существовала большая книгописная мастерская.⁴ Автографам митрополита Даниила, которые он обнаружил в ходе своих исследований, Б. М. Клосс посвятил особую статью.⁵

² Vogel M., Gardthausen V. Die griechische Schreiber des Mittelalters und Renaissance. — Zentralblatt für Bibliothekswesen, 1909, Beiheft 33. — Начиная с 1963 г. П. Канар, К. де Мейер, Н. Виктор и И. Виснер опубликовали ряд дополнений к этой работе (см.: Scriptorium, 1963, t. XVII; 1964, t. XVIII; Rivista di Studi Bizantini e Neellenici, 1971, N 53). См. также: Фонкич Б. Л. 1) Новый автограф Максима Грека. — Byzantinoslavica, 1969, t. XXX; 2) Греческая рукопись митрополита Фотия. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 1. М., 1972, с. 189—194.

³ Фонкич Б. Л. Греческие писцы эпохи Возрождения. — Виз. временник, 1965, т. XXVI, с. 266—271.

⁴ Клосс Б. М. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20—30-х годах XVI в. и происхождение Никоновской летописи. — В кн.: Древнерусское искусство..., с. 318—337.

⁵ Клосс Б. М. Библиотека московских митрополитов в XVII в. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 114—125.

Статья начинается рассмотрением письма кодекса, который согласно одному инвентарю XVI в. был написан рукой митрополита.⁶ Большая часть текстов в нем выполнена полууставом и лишь один⁷ — в более свободной манере с использованием скорописных форм. Исследователь отметил своеобразное начертание некоторых букв и, сосредоточив внимание на второй, более свободной, манере письма митрополита, привлек для сравнения его подписи на восьми грамотах. Убедившись в том, что кодекс действительно написан рукой митрополита Даниила, Б. М. Клосс ищет пометы, сделанные его почерком в двух книгах, принадлежащих митрополиту, как это следует из записей о дарении, и в самом деле находит эти пометы. И еще в четырех рукописях встречается он почерк митрополита. Кроме того, Б. М. Клосс обнаружил многочисленные пометы Даниила в рукописях, тексты которых были использованы при составлении Никоновского летописного свода, Иоасафовской летописи и «Сводной кормчей»; исправления, сделанные Даниилом, в значительной части вошли в текст этих памятников. Поскольку в соответствии с данными биографии митрополита Даниила все книги, помеченные его рукой, должны были быть собраны в одном месте, Б. М. Клосс заключает, что уже в первой половине XVI в. в Москве существовала митрополичья библиотека.

Но как различные исследователи отождествляют руку писца? К сожалению, из-за недостатка публикаций мы не можем судить о содержании значительной части докладов, сделанных на заседании Археографической комиссии 26—27 апреля 1971 г. Можно привести лишь красноречивые названия некоторых из них, например: «Экслитеральные способы отождествления почерков» (докладчик Л. П. Жуковская), «О некоторых принципах типизации и отождествления почерков в русских рукописях рубежа XVI—XVII вв.» (докладчик Л. М. Костюхина). Все же имеющиеся в нашем распоряжении исследования дают довольно богатую картину работы по отождествлению руки писца.

Отождествляя руку писца, исследователи используют навыки сравнения образцов письма и рукописей в целом, которые входят в набор исследовательских приемов палеографии и кодикологии. Бельгийский палеограф Л. Жилиссен предложил даже выделить приемы сравнения образцов письма в особый раздел палеографии. Свои мысли по этому поводу он изложил на международной конференции, посвященной лабораторным методам исследования рукописей, которая была проведена 13—16 сентября 1972 г. в Париже Национальным центром научных исследований.⁸ Жилиссен считает необходимым при сравнении образцов письма на место об-

⁶ ОР ГБЛ, Вол. № 490.

⁷ Там же, л. 51 об.—53.

⁸ Gilissen L. Analyse des écritures: manuscrits datés et expertise des manuscrits non datés. — Тезисы докладов (ротапринт) были разосланы членам Международного комитета по палеографии.

сих суждений поставить «частичные» суждения, касающиеся основных особенностей письма. Он предлагает изолировать элементы письма и рассматривать их в отдельности, и это, по его мысли, составляет задачу «палеографии анализа». Всю палеографию он советует разделить на три отрасли: палеографию чтения, палеографию анализа или экспертизы, историю письма.

Сравнивая образцы каролингского минускула XI в., Жилиссен дает точное количественное определение выделенным им характеристикам письменной графики. Вслед за Ж. Маллоном⁹ он измеряет:

1. «Угол жирных линий», т. е. угол между начертываемым с нажимом наклонным элементом выносной *g* и горизонталью строки.

2. Угол наклона, т. е. угол слева между вертикалью буквы и горизонталью строки.

3. Модуль (*rapport modulaire*), т. е. отношение ширины и высоты букв.

4. «Вес письма», который вычисляется по особой формуле.

Результаты конкретных измерений Жилиссен поместил в специальных таблицах (*fiches signalétiques*). К сожалению, в тезисах доклада он не объясняет, каким именно образом производил свои измерения. Определяя индивидуальное своеобразие того или иного письменного начертания, мы, разумеется, не можем ограничиться лишь теми характеристиками, которые выделил Жилиссен, а главное, если мы будем описывать своеобразие письменного начертания вне истории письма, без многообразия тех оценок, которые она нам представляет, мы весьма обедним наши суждения. Вероятно, надо воздержаться от прямого разделения истории письма и того, что Жилиссен называет «палеографией анализа».

Самую разработанную классификацию характеристик письма и рукописи в целом мы находим в «Кодикологическом вопроснике»,¹⁰ составленном французским палеографом Ж. Уи в сотрудничестве с Э. Орнато. Этот «Вопросник» был подготовлен для сбора данных ввиду будущей машинной обработки сведений о рукописях; в то же время он позволяет упорядочить, сделать более единообразным описание рукописей. Сведения, содержащиеся в ответах на поставленные вопросы, машина сгруппирует в кратчайший срок по отдельным характеристикам; она же составит индексы (например, списки рукописей, сгруппированных по времени или месту их написания) и т. п. «Кодикологический вопросник» разослан многочисленным специалистам, которые должны предста-

⁹ Mallon J. *Paléographie romaine*. Madrid, 1951. Об этой работе см.: Люблинская А. Д. 1) Латинская палеография. М., 1969, с. 54—59; 2) Новая теория развития позднеримского письма. — В кн.: Средние века. Вып. XI. М., 1958, с. 145—155.

¹⁰ Ouy G., Ornato E. *Questionnaire codicologique*. Paris, 1968 (по-ташпринт).

вить необходимую информацию. Из содержащихся в «Вопроснике» многочисленных характеристик рукописи (текст занимает 58 страниц) трудно выделить те, которые прямо относятся к работе писца; ограничимся воспроизведением характеристик только письма, отобранных составителями в результате большого опыта сопоставлений образцов готического письма. Они заключены в следующих вопросах:

1. Вписывается ли строка в две мысленные горизонтальные линии или же в четыре?

2. Составляет ли длина выносных у строчных «р» меньше половины ($1/2$, $1/2-1$, $1-1/2$, $1/2$, $1/2-2$, 2) длины малой вертикали или же они не имеют постоянной длины?

3. Являются ли нижние выносные прямыми, изогнутыми, извилистыми, изменчивой формы?

4. Они лишены всякого украшения (украшены беспорядочно) или же заканчиваются горизонтальным штрихом (косым, крючком, «ласточкиным хвостом»)?

5. Составляет ли длина верхних выносных у строчных меньше половины ($1/2$, $1/2-1$, $1-1/2$, $1/2-2$, 2) длины малой вертикали или же она непостоянна?

6. Являются ли верхние выносные прямыми, изогнутыми, извилистыми, имеют изменчивую форму?

7. Они лишены петли (петли начертываются беспорядочно) или же снабжены петлей неполной, широкой, орнаментальной?

8. Они лишены всякого украшения (украшены беспорядочно) или же заканчиваются горизонтальным штрихом (косым, крючком, «ласточкиным хвостом»)?

9. Начертываются ли буквы перпендикулярно к горизонтали строки или с наклоном вправо, с сильным наклоном вправо, с наклоном влево, с сильным наклоном влево, с неустойчивым наклоном?

10. Составляет ли высота букв, образуемых двумя малыми вертикалями (*n*, *u*), меньше половины ($1/2-1$, 1, $1-1/2$, $1/2$) их ширины или же отношение высоты к ширине у этих букв неустойчиво?

11. Имеются лишь «стереотипные» лигатуры: *r+o*, *r+j*, *c+t*, *s+t*, *e+t*, или же они полностью отсутствуют?

12. Каждая буква отчетливо отделяется от других, буквы соприкасаются, не сливаясь одна с другой, лигатуры лишь намечены, лигатуры имеют законченный вид, лигатуры весьма развиты, перо лишь изредка отрывается от материала письма при написании слова?

13. Если не принимать во внимание встречающиеся лигатуры, стоят ли буквы на довольно большом расстоянии одна от другой или на среднем, прижимаются ли друг к другу или расстановка их беспорядочна?

14. Является ли *s* конечное прямым, подобным посоху, извилистым, подобным печатному *s*, округленным, слегка напоминающим *B* большое, в форме шестерки, в форме пятерки?

15. Когда дифтонг *ae* пишется полностью, разделены ли обе буквы или они сливаются (то сливаются, то нет)? Дифтонг *ae* не всегда пишется полностью, нигде не пишется полностью, повсюду пишется полностью?

16. Если дифтонг *ae* пишется не полностью, то заменяется ли он буквой *e* с седилем или же просто *e*, или обе эти формы употребляются попеременно? Если *e* с седилем представляет дифтонг *ae*, то отличается это обозначение от знака, представляющего дифтонг *oe*, или нет?

17. Слова разделены промежутками, которые обычно шире, чем пространство, занимаемое буквой *m* (*n*, *i*), или же величина промежутка весьма колеблется (слова совсем или почти не разделены)?

18. Слова переносятся с помощью соединительных черточек или же они никогда ими не соединяются? Помещаются ли черточки в начале и в конце строки или только в конце строки?

19. Являются ли соединительные черточки жирными или они разнообразны, горизонтальны, идут вкось вверх или вниз, двойные, наподобие знака равенства?

20. Сокращения отсутствуют или ограничиваются отдельными словами и знаками? Варьируются ли они, варьированы и многочисленны, многочисленны и единообразны?

21. Имеются ли переходы к стенографии или нет?

22. Какую форму принимают горизонтальные тильды? (Составители приводят восемь вариантов).

23. Пунктуация отсутствует, имеется простейшее разделение слов посредством одного единственного знака или же имеется систематическое разделение с помощью одного знака, двух, трех, более трех?

Когда рукописи или отдельные письменные начертания сравниваются с целью установить тождественность индивидуальных особенностей работы писца, которые в них проявляются, возникают особые вопросы.

Например, совокупность каких именно характеристик может позволить нам наиболее полно и точно определить индивидуальное своеобразие работы писца? Здесь мы должны обратиться к опыту конкретных исследований.

Всеохватывающую классификацию характеристик работы писца представил П. Канар в своей книге, посвященной рукописям греческого писца XVI в. Эммануила Проватариса, работавшего при Ватиканской библиотеке.¹¹

¹¹ Canart P. Les manuscrits copiés par E. Provataris. Città del Vaticano, 1964.

Эту классификацию, признанную византинистами образцовой,¹² Канар выработал в ходе исследования, в котором, отправляясь от двух рукописей, содержащих в записи писца его имя, он постепенно увеличивал число надежных образцов его письма, необходимых для последующих отождествлений, и в конце концов сумел проследить эволюцию письма Эммануила Проватариса — так, как она представляется в 150 рукописях, написанных его рукой.

Прежде всего Канар выделяет ряд характеристик «общего порядка».

1. Материал письма. В этом пункте, говоря специально о писцах XVI в., Канар отмечает, что некоторые писцы, работавшие для богатых заказчиков, охотно использовали пергамен; другие предпочитали тот или иной формат бумаги, тот или иной тип тетради. Показательным может быть повторение одних и тех же групп филиграней.

2. Организация страницы: число строк, размеры полей, расположение заглавий и рубрик.

3. Орнаментация: заглавия, инициалы, соединительные линии, использованные краски.

4. Чернила, употребляемые для текста. В этом пункте Канар отмечает, что некоторые писцы отличаются использованием особенно темных чернил.

5. Письмо: высота и ширина букв и их соотношение; расстояние между буквами и строками, «вес» письма, угловатость либо округлость форм, наклон вправо или влево, непринужденное либо неловкое начертание букв.

Другой, более важный раздел классификации Канара составляют особенности отдельных письменных знаков и их групп. В письме Эммануила Проватариса он выделил варианты форм некоторых букв и установил их количественное соотношение; он выделил также наиболее примечательные своеобразные формы (*formes spéciales*) и, кроме того, учел все лигатуры и способы сокращений. Канар отмечает, что почти все греческие писцы эпохи Возрождения склонны варьировать лигатуры; поэтому их изучение следует сочетать с изучением частоты их появления, необходимо принимать во внимание и само отсутствие лигатур. При изучении сокращений Канар советует не забывать о характере текста.

Подсчитав соотношение различных форм отдельных букв в разновременных образцах письма, учтя частоту появления определенных лигатур, Канар получил данные для определения времени написания недатированных рукописей Эммануила Проватариса. Устанавливая процентные отношения форм и сочетаний, он учитывал 100 случаев (от 1 до 10 листов текста) употребления ча-

¹² Фонкич Б. Л. Греческие писцы эпохи Возрождения. — Виз. временник, 1968, т. XXVIII, с. 283—285.

сто встречающихся букв и сочетаний и 50 случаев употребления более редких букв и сочетаний.

Следуя примеру Канара, От. Крестен предложил способы датировки рукописей того или иного писца, исходя из характеристик, которые он считает кодикологическими.¹³ В труде Крестена кодикология вытесняет палеографию из некоторых давних ее областей и оставляет ей лишь изучение форм письменных знаков и их сочетаний. К числу чисто кодикологических характеристик Крестен относит следующие:

1. Переплет.
2. Формат.
3. Материал письма.
4. Количество листов, учитывая форзац и пустые листы.
5. Организация листа, т. е. расположение текста на странице.
6. Количество строк.
7. Тип тетрадей.
8. Украшения.
9. Чернила.

Крестен имел в своем распоряжении несколько десятков датированных рукописей греческого писца Андреаса Дармариоса, работавшего в Западной Европе в XVI в. Изучал Крестен только атрибуированные уже до него рукописи. Касаясь способов отождествления руки писца, он отмечает, что рассмотрение выделенных им характеристик может лишь дополнить и подтвердить данные относительно руки писца, получаемые при анализе письма. Но так или иначе Крестен описывает прежде всего индивидуальные особенности работы писца, сосредоточивая внимание на изменениях в его навыках и привычках.

Некоторые характеристики, выделенные Крестеном, оказываются малозначительными при датировке рукописей отдельного писца; так, например, особенности переплета редко служат для точной датировки и уж никак не обличают вкусы самого писца; мало помогает и анализ чернил. Правда, Крестен указывает на работу Цанца,¹⁴ который соответственно изменениям в цвете чернил (черный — серый — коричневый) выявил три периода работы греческого писца XV в. Деметриоса Триклиниоса над одной из рукописей. Наличие пустых листов в тетрадах или их отсутствие также мало говорит о привычках писца, поскольку пустые листы часто бывали изъяты в позднейшее время. Относительно организации листа Крестен замечает, что величина полей вокруг текста, поскольку они далеко не всегда бывают сохранены в полной мере, не дает оснований для определенных суждений. Другие характеристики более красноречивы, хотя и не в равной степени.

Профессиональные писцы избирают определенный формат рукописи с достаточным постоянством. Писец может отказаться от привычного для него формата в силу некоторых внешних причин, будь то особые пожелания заказчика или зависимость от со-

¹³ Kresten O. Statistische Methoden der Kodikologie bei der Datierung von griechischen Handschriften der Spätrenaissance. — Römische Historische Mitteilungen, 1972, H. 14.

¹⁴ Zuntz G. An Inquiry into the Transmission of the Plays of Euripides. Cambridge, 1965.

держания текста. Однако, утверждает Крестен, для профессионального писца эпохи Возрождения эти оговорки не имеют большой силы: заказчики не оказывали существенного влияния на внешнее оформление книги, содержание текста также мало отражалось в оформлении рукописи.

Относительно филиграней он отмечает, что датированные рукописи Андреаса Дармариоса, близкие по времени написания, почти всегда имеют одинаковые филигранные. Крестен советует в подобных случаях составлять каталог основных филиграней, скопления которых обнаруживаются в датированных рукописях.

По наблюдениям Крестена, число строк на странице при одном и том же формате у профессиональных писцов с течением времени, как правило, уменьшается: чем меньше строк в кодексе приходится на одну страницу, тем позднее он возник. (По-видимому, обычно писцы получали плату сдельно со страницы). Но это правило не распространяется, например, на такого писца, как Эмануил Проватарис, который работал в Ватикане.

О типе тетрадей Крестен говорит, что здесь проявляются устойчивые привычки писца, не нарушаемые никакими внешними воздействиями.

Украшения, по мнению Крестена, позволяют хорошо датировать рукописи при изучении деятельности скрипториев, но они дают весьма скромный материал для датировки рукописей отдельного писца. Однако достойны внимания формы и величина инициалов, частота их появления, а также раскраска инициалов и росчерков.

Из всех перечисленных характеристик наиболее ценными для датировки рукописей отдельного писца являются, как показывает Крестен, число строк на странице и тип тетради. Обе эти характеристики находятся в зависимости от избранного формата. Крестен составил таблицы, наглядно показывающие изменения и периоды устойчивости этих характеристик в течение деятельности Дармариоса. Для выведения среднего числа строк, приходившихся на одну страницу, он подсчитывал строки на десяти листах в разных частях кодекса.

Имея перед собой несколько десятков рукописей одного писца, Крестен определяет время появления недатированных рукописей с точностью от двух с половиной лет до полутора; если же датированные рукописи располагаются во времени особенно часто, точность датировки значительно увеличивается. Замечательно, что в тех случаях, когда данные каталогов и печатных описаний рукописей Андреаса Дармариоса противоречили основной линии развития, как она определялась во всей совокупности выделенных характеристик, Крестен обнаруживал либо типографские опечатки, либо ошибки самих исследователей; в одном случае он даже отметил, что сам писец переправил действительную дату написания рукописи. Датировку рукописей на основании выделенных им характеристик Крестен считает более экономной, нежели

предложенную Канаром, где необходимо учитывать до 100 случаев употребления той или иной буквы и просматривать от 1 до 10 листов рукописи, а в некоторых случаях и до 15—20 листов. Кроме этого, по мнению Крестена, письмо в своей эволюции не позволяет выделить столь отчетливые периоды, столь резкие изменения в деятельности одного писца, как это оказывается возможным при рассмотрении указанных здесь характеристик (например, переход от одного формата к другому). При этом в отождествлении руки писца Крестен отдает первенство индивидуальным особенностям письма.

Когда мы подходим к лабораторным методам изучения рукописей с использованием новейших технических средств, мы сталкиваемся с вопросом: нужно ли говорить о находках, поисках и предложениях различных исследователей, когда, быть может, в самое ближайшее время лабораторная техника избавит нас от многих проблем? Не стоит ли подождать и не обременять себя излишним грузом? Лабораторные методы уже сейчас довольно совершенны — об этом свидетельствует доклад Ж.-М. Фурнье на сентябрьской конференции в Париже.¹⁵ В своем докладе он рассказал об аппарате, сконструированном в лаборатории общей физики и оптики университета в Безансоне. Работа аппарата строится на принципах голографии, которая является достижением квантовой оптики последних лет. Изображение буквы в аппарате разлагается в спектр по так называемым пространственным частотам, в результате этого преобразования информация о букве выражается в виде количественных отношений. Изображение определенной буквы может быть принято за образец. Налагая световую волну образца на спектр этой же буквы в другом конкретном начертании, можно представить в числовом выражении меру подобия двух форм. Кроме этого, с помощью фильтрующего экрана можно скрыть низкие пространственные частоты и получить улучшенное изображение буквы, очищенное от непрерывной основы (*fond continu*), так что мы будем иметь перед собой один лишь ее контур. Были отобраны в качестве образцов формы со средними данными, характерными для данного типа письма либо почерка определенного писца. Опыты, проведенные на еврейских рукописях XIV в., дали результаты, согласующиеся с мнениями палеографов о письме этих рукописей. Новый метод может быть использован не только при изучении еврейских рукописей; применение его ограничивается лишь тем условием, чтобы письмо было не слишком беглым и достаточно регулируемым.

Но отменяет ли новый метод другие способы определения и сравнения индивидуальных особенностей письма? Здесь важно отметить, какое место в изучении письма определили методам

¹⁵ Fournier J.-M. Mesures sur les tracés de lettres au moyen des techniques holographiques (ротап rint).

голографии сами исследователи, впервые их применившие. Исследователи эти объединены в «Комитете еврейской палеографии». Материал, с которым они имеют дело, плохо поддается датировке, так как средневековое еврейское письмо чрезвычайно мало изменялось, сохраняя застывшие формы. Поэтому поиски новых методов изучения письма в еврейской палеографии являются особенно настоятельными. О работе «Комитета еврейской палеографии» на конференции в Париже 13—16 сентября 1972 г. рассказала К. Сира.¹⁶ Она, между прочим, отметила, что с помощью методов голографии письмо изучается с внешней стороны, подобно тому, как подходит к своему предмету «психология поведения». Наряду с этим разрабатываются и способы «анализа письма», который для исследователей еврейского письма состоит не в количественном определении разрозненных характеристик, как у Жилиссена, но в изучении трансформаций дуктов, в раскрытии причин, почему, например, одна форма буквы «алеф» имеет три варианта, в то время как другая — четыре. Таким образом, изучение эволюции письменной графики, ее трансформаций остается вне методов голографии, и здесь будет полезен опыт любого исследователя.

На особый случай трансформации письменной графики указал Ж. Уи. Он заметил, что один и тот же писец может переходить от одного типа письма или его стилового варианта к другому в зависимости от целевого назначения рукописи или просто по своей прихоти — такую способность писца Ж. Уи назвал «полиморфизмом».¹⁷ Он даже утверждает, что содержащиеся в «Кодикологическом вопроснике» характеристики письма позволяют определить лишь особенности одной разновидности письма того или иного человека, но не особенности руки, его работы в целом. Характеристики «руки» Уи выделяет особо:

1. Национальные, областные и местные особенности, которые выдает рука независимо от географического происхождения рукописи и избранного писцом стиля письма. Степень их выраженности: весьма выражены, достаточно выражены, почти незаметны.

2. Рука умелая, достаточно умелая, скорее неумелая, совершенно неумелая.

3. Индивидуальные особенности, проявляющиеся в форме тильд, а также в употреблении различных знаков на полях и между строк. Степень их выраженности: весьма выражены, достаточно выражены, почти незаметны.

Существенны первый и третий пункты. Заметим, что характеристики, собранные в первом, могут быть развернуты в классификацию из 23 пунктов, приведенную выше, ибо они суть характеристики того общепринятого типа письма, которому был перво-

¹⁶ Sirat C. *Étude des tracés* (ротапринт).

¹⁷ Ouy G. *Catalogue des manuscrits de Ch. Samaran et R. Marichal* (рец.). — *Bulletin des Bibliothèques de France*, 1960, N 11.

начально обучен тот или иной писец. Так, в этом пункте у самого Ж. Уи граница между характеристиками стилового варианта и индивидуальными особенностями «руки» незаметно упраздняется. По-видимому, Ж. Уи из осторожности преувеличивает способность обыкновенного писца изменять свое письмо для придания ему различных стиливых особенностей. Переход писца от одной разновидности письма к другой — явление нередкое в латинском письме, особенно в XIV—XV вв., как это отмечает Уи, но, к счастью, вместе с тем, и не слишком частое. Не будем здесь решать, насколько чист был такой переход, в какой мере мог изменяться состав характеристик письма определенного писца, но посмотрим, где ищет Уи твердые основания для отождествления руки писца ввиду отмеченного им явления «полиморфизма».

Уи избирает самый простой путь: он пытается найти те индивидуальные особенности письма, которые остаются неизменными при всех метаморфозах. Свойство сохранять нечто неизменное при переходе от одной разновидности письма к другой он обозначает словом «пластичность». В своей статье об автографах Жана Жерсона¹⁸ Уи употребил понятие «костяка» (*structure, charpente*), как устойчивого сочетания многих линий, образующих несколько букв, целое слово и даже несколько слов со знаками препинания. Сравнивая такие «костяки» как обычно сравнивают подписи, Уи очень убедительно отождествляет руку писца. Так, например, он сопоставляет написание слова *Johannes* в двух подписях Жана Жерсона и в тексте рукописи, которая предположительно считалась его автографом. Полное совпадение начертаний этого слова с рощерком от второго элемента *h*, который дугой охватывает *J* и соединяется с тильдой, не оставляет места для сомнений. Однако, когда в этой же своей работе Уи решается свести понятие «структуры» к форме отдельной буквы и при сопоставлении образцов письма различных типов (книжного письма и письма глосс) сравнивает лишь формы немногих букв, его отождествления оказываются менее убедительными.

На упомянутой конференции в Париже, посвященной лабораторным исследованиям рукописей, Ж. Уи сделал вступительный доклад,¹⁹ в котором помимо прочего высказал свои суждения и о способах отождествления руки средневекового писца. Отождествление руки средневекового писца, говорил Уи, сопряжено с особыми трудностями. Для копииста письмо не было простым средством коммуникации, но было ремеслом, которое подчинялось весьма строгим правилам; кроме того, один и тот же писец мог применять несколько разновидностей письма, что относится также и к непрофессиональным писцам, которые любили зани-

¹⁸ Ouy G. Enquête sur les manuscrits autographes du chancelier Gerson et sur les copies faites par son frère le Célestin Jean Gerson. — *Scriptorium*, 1962, v. XVI, fasc. 2.

¹⁹ Ouy G. Qu'attendent l'archéologie du livre et l'histoire intellectuelle et littéraire de techniques de laboratoire (potaprint).

маться каллиграфией. «Ввиду этого не столько сравнение форм позволяет узнать руку писца, — утверждает Уи, — сколько обнаружение отклонений, характерных аномалий. Понятие постоянства в отклонениях является, без сомнения, одним из тех, исходя из которых можно добиться наиболее верных результатов».²⁰ Такой способ, добавляет Уи, предполагает использование статистического метода: многочисленных измерений, подсчетов, проверки значимости установленных отклонений. Уи надеется, что лабораторные методы помогут выполнить эту работу наилучшим образом.

В поисках выразительных аномалий Ж. Уи отодвигает на второй план систематическое описание индивидуальных особенностей письма. Так появляется опасность упустить то индивидуальное своеобразие письма, которое обнаруживается в совокупности характеристик самих по себе ничем не замечательных. Но с другой стороны, встает вопрос: каково должно быть систематическое описание и вообще возможно ли оно, когда писец переходит от одной разновидности письма к другой? Заметим только, что и Канар имел дело с материалом текучим, и для отождествления руки Эммануила Проватариса он выделял совокупность характеристик, отнюдь не застылых, но подверженных изменениям. Вероятно, исследование будет более успешным, если не органичиваться поисками неизменных индивидуальных особенностей письма, но проследить, как одно обличье, в котором представляется работа писца, сменяется другим. Однако к мгновенной метаморфозе, совершающейся при переходе от одной разновидности письма к другой, подойти много сложнее, чем к простой эволюции письма. Отметив явление «полиморфизма», Уи излишне, пожалуй, сократил возможный набор способов отождествления руки писца; тем не менее наблюдения его очень важны, а предложенная им классификация характеристик письма остается самой разработанной, и она должна быть принята во внимание всеми, кто отождествляет руку писца.

Конкретный случай «полиморфизма» показывает в одной из своих статей Н. В. Сеницына.²¹ Работая на русском материале, она самостоятельно отметила это явление при изучении рукописей, написанных рукой Гурия Тушина. В рукописи «Огласительные поучения Феодора Студита»²² Гурий Тушин оставил киноварную запись, где называет себя. Письмо основного текста рукописи во всем подобно скорописи, которой сделана эта запись, а киноварные заголовки выполнены более или менее строгим полууставом. Исследовательница сравнила письмо заголовков и основного текста примерно в одинаковом количестве строк

²⁰ Ibid., p. 5.

²¹ Сеницына Н. В. Отождествление почерков русских рукописных книг конца XV—первой половины XVI в. и его трудности. — В кн.: Проблемы палеографии..., с. 89—113.

²² ОР ГПБ, Кир.-Бел., 85/210.

(77—76). Она отметила, что в основном тексте употребляются лишь скорописные формы букв *a* и *b*, в то время как в письме заголовков преобладают полууставные формы этих же букв, но встречаются и скорописные, причем дукты (т. е. последовательность направленных движений пера, необходимых для начертания отдельной буквы) скорописных форм одинаковы в письме основного текста и заголовков. Буква *e* начертывается в четырех вариантах, и все они встречаются как в основном тексте, так и в заголовках, хотя и в ином соотношении. Так же обстоит дело с двумя формами буквы *я*ть. В основном тексте употребляются две формы буквы *д* — полууставная и скорописная, в письме заголовков скорописная форма отсутствует, но полууставная форма та же, что и в основном тексте. Формы других букв сколько-нибудь отчетливо не варьируются, и начертание их в обоих образцах письма более или менее сходно.

В письме заголовков и основного текста Н. В. Сеницына видит две разновидности одного почерка. Письмо основного текста она считает «обычным, привычным письмом, выполненным в наиболее свойственном данному писцу ритме», а письмо заголовков — стилизацией обычного письма, где писец стремится воспроизвести традиционные полууставные формы и где темп письма более медленный. Различие разновидностей письма у этого писца усугубляется тем, что в скорописи употребляется обычно калам, а в более строгом письме — перо. Обе разновидности письма Гурия Тушина встречаются вместе и в других рукописях, написанных его рукой, как это явствует из содержащихся в них записей, и это подтверждает правильность отождествления, проделанного Н. В. Сеницыной в рукописи из собрания ГПБ.

Более ранние рукописи Гурия Тушина, содержащие литургические тексты, написаны полностью тем же полууставом, что и киноарные заголовки в указанной рукописи, и, таким образом, их основной текст по своему облику мало похож на основной текст позднейших рукописей Гурия Тушина, но благодаря наблюдениям Н. В. Сеницыной у нас нет оснований сомневаться в том, что все эти рукописи вышли из-под руки одного человека.

Как мы видим, Н. В. Сеницына не ищет «выразительных anomalies», но сравнивает все формы подряд, и, стараясь обнаружить тождественные начертания, приходит к убедительным результатам. Но, разумеется, одного удачного примера недостаточно, чтобы сколько-нибудь решительно судить о способах отождествления руки, где принимается во внимание явление «полиморфизма». К тому же этот пример не из самых сложных, Ж. Уи ставил перед собой более трудную задачу, пытаясь отождествить руку писца при сопоставлении таких образцов письма, где начертание всех букв было различным.

Интересный пример изучения трансформации письменной графики и эволюции письма в целом мы находим у П. М. Жилия.

Этот исследователь затрагивает также один вопрос, на который важно указать в заключение нашей статьи.

Жиль, занимаясь подготовкой нового издания сочинений Фомы Аквинского, заново прочитал все его автографы и выправил немаловажные ошибки в публикациях своих предшественников; при этом он составил картотеку из многих десятков тысяч образцов его письма, письма чрезвычайно своеобразного и неразборчивого. Свой опыт Жиль обобщил в статье о рукописи из Неаполитанской Национальной библиотеки, содержащей произведения Альберта Великого.²³ Эрле, Стеффенс, Леманн — крупнейшие палеографы XX века — были знакомы с этой рукописью и считали, что она написана рукой Фомы Аквинского, но другие исследователи оспаривали их мнение, так как очень уж велико различие между письмом этой рукописи и письмом прочих автографов знаменитого схоласта. Вопрос оставался нерешенным. Жиль принялся за дело основательнее, чем кто-либо из его предшественников.

В своей статье Жиль поместил рядом два воспроизведения: образец письма неаполитанской рукописи, т. е. письма Фомы Аквинского в самом начале его деятельности, и образец его же письма в зрелом возрасте. Различия между двумя образцами письма весьма ощутимы, и трудно поверить, что они принадлежат одному человеку. Жиль замечает, что если мы сравним начертание каждой отдельной буквы, то придем к выводу, что все буквы в одном образце начертываются иначе, нежели в другом. И все-таки он доказывает, что воспроизведенные им строки написаны одной и той же рукой.

Сравнивая образцы письма, Жиль исходил из следующих положений. Недостаточно выделить некоторые особенности письма: одно и то же лицо может обладать несколькими способами начертания букв либо одновременно, либо последовательно во времени. Чтобы изучить манеру письма известного лица, необходимо взяться за статистические подсчеты и учитывать сотни и даже тысячи данных, полученных в результате многочисленных «зондажей». Кроме этого, надо отметить необычные, ненормальные формы, которые мы находим у данного лица на протяжении многих лет его деятельности.

В отличие от своих предшественников, которые сравнивали письмо неаполитанской рукописи с письмом лишь одного из автографов Фомы Аквинского, Жиль прежде всего расположил в хронологической последовательности все имеющиеся образцы его письма. В своей статье вслед за воспроизведением хронологически крайних образцов он поместил и воспроизведение двух промежуточных, при виде которых резкие несоответствия сменяются более или менее постепенным переходом от одних особенностей гра-

²³ Gils P. M. Le manuscrit «Napoli, Biblioteca nazionale I B 54» est-il de la main de S. Thomas? — Revue des sciences philosophiques et théologiques, 1965, t. XLIX, N 1.

фики к другим. Жиль прослеживает изменения каждой отдельной формы, начиная от самых ранних образцов, и отмечает устойчивые особенности их начертания. Он показывает, как изменяются формы букв *g*, *v*, *h* и знака, заменяющего сочетание *et*. При всех видоизменениях, которые претерпевает форма буквы *g* с выносной, выполненной в один прием, виден ее первоначальный дукт; наряду с этой основной формой во всех рукописях встречается форма с выносной, выполненной в два приема. Жиль устанавливает точное соотношение этих форм на отдельных листах каждой рукописи, написанной рукой Фомы Аквинского. В одной из рукописей он выявил шесть форм буквы *r*, но все они восходят к одной первоначальной форме, образцы которой он находит в неаполитанской рукописи. Жиль указывает на слегка курсивную форму буквы *r*, «разрушенную», «растянувшуюся», «подобную *n*». Точно так же он показывает варианты буквы *h*, отмечает исправления слишком сплюснутых форм букв *r*, *d*, *s*, *h*, когда Фома Аквинский добавляет штришок, чтобы продлить один из элементов.

Помимо рассмотрения форм букв Жиль устанавливает преемственность в способах сокращения слов. В своем большинстве аббревиатуры в последней по времени рукописи остаются теми же, что и в первой, неаполитанской. Правда, в неаполитанской рукописи наряду с тем способом сокращения *aut*, который мы находим во всех позднейших автографах, Фома Аквинский применял и другой, но отказался от него еще в процессе написания этой рукописи. Так же обстояло дело с сокращениями слов *cum*, *ita*. В начальной части неаполитанской рукописи Фома Аквинский часто сокращает *esse*, начертывая одно *e* над другим, а в его более поздних автографах эта аббревиатура отсутствует. Однако Жиль отметил четыре случая употребления этого сокращения на 90 листах одной из позднейших рукописей и один случай в другой (при исправлении): вытесненный навык проявился вновь. На основании своих наблюдений Жиль заключает, что письмо исследуемой рукописи из Неаполитанской библиотеки является тем же самым, что и письмо известных автографов Фомы Аквинского, и представляет ранний момент эволюции его письма.

Эти основные доказательства Жиль сопровождает общим описанием почерка (*graphie*). Выделяя почерк, как он его понимает, Жиль старается уловить те особенности письма, благодаря которым форма с одной и той же структурой приобретает, например, в письме Фомы Аквинского и его секретаря Реджинальдо де Пиперно совершенно различный облик. Почерк Фомы Аквинского он описывает как письмо не «беглое» или «курсивное», но бегущее вперед вправо, рука пишущего не терпит возвращения назад, это письмо подобно следу дождевой капли на стекле движущегося автомобиля.²⁴ Основные особенности почерка, отмечает Жиль,

²⁴ Ibid., p. 55—56.

проявляются в начертании каждой отдельной буквы, и когда перо все время бежит вправо и второй элемент буквы не может соединиться с первым, получается «град» или «дождь» из штрихов: две линии дают *a*, две линии дают *o*, также и *e* состоит из двух линий — в результате все буквы мало отличаются одна от другой.

Не в меньшей мере, чем он описывает почерк, Жиль его непосредственно показывает. Рассматривая на воспроизведениях в предложенном им порядке изменения отдельных форм, мы должны получить впечатление о манере письма Фомы Аквинского и в этом впечатлении найти еще один довод в пользу тождественности письма исследуемых рукописей. Относительно свойств зрительного восприятия Жиль замечает: прежде чем найти в раннем образце письма Фомы Аквинского привычные для его почерка очертания, глаз нуждается в некоторой реадaptации, и затем следует сохранять особую сосредоточенность, чтобы все время улавливать различия.

Для нас особенно интересны суждения Жили о природе почерка, ибо от них зависит и способ его описания. Он пишет: «Таким образом, опять-таки именно рука как фактор (письма), „физиология жеста“, обличает писателя. И в другом месте: «Именно жест индивидуализирует письмо...».²⁵ Жест, говорит Жиль, утверждает себя, преодолевая с течением времени навыки, полученные при обучении или в результате подражания; он проявляется в новых формах, которые, случайно встретив, воспринимает пишущий, поскольку они ему кажутся более удобными в написании; под воздействием жеста сознательно либо бессознательно пишущий вырабатывает новые структуры²⁶ письменных знаков.

Жиль высказывает довольно распространенное представление о почерке, примерно так же понимают его графологи. В их представлении жест, или «личностный двигательный образ» (*persönliche Leitbild, Bewegungsgestalt*), в качестве чисто активного начала воздействует на разветвляющиеся в движении формы букв, «соопределяет»²⁷ их собой и таким образом запечатлевается в письменном начертании, наделяя его индивидуальным своеобразием. Однако против такого понимания почерка можно выставить некоторые возражения.

Рассматривая почерк как жест, мы неизбежно раздваиваем начертательное движение таким образом, что с одной стороны оказывается свободный жест, а с другой — динамические образы букв, претерпевающие действие этого жеста. Но какие у нас есть основания для такого раздвоения? Почему бы не рассматривать почерк как целесообразное рабочее движение, тождественное самим рождающимся в нем формам букв, а его индивидуальное свое-

²⁵ Ibid., p. 45, 42.

²⁶ Жиль однозначно употребляет слова: *structure, module initial, caractéristique*.

²⁷ Взятые в кавычки слова заимствованы из кн.: Klages L. Die Handschrift des Menschen. München, 1965.

образе как особенности динамических отношений в этом движении?

Жест есть свободное выразительное движение и, представляя почерк как жест, мы отказываемся видеть в изменениях письменной графики какую-либо эволюцию, как развитие чего-то сложного, наделенного некоторой структурой: печать жеста все глубже и глубже вдавливается в письмо, и только. Понимая почерк как рабочее движение, мы можем искать в нем и некоторую динамическую схему, свойственную тому или иному типу письма; при этом индивидуальное своеобразие почерка можно попытаться описать, как конкретную модификацию этой динамической схемы, а изменения в нем, как закономерную эволюцию последней.

На этом пути найдутся, быть может, новые способы описания почерка, этого важнейшего аспекта письма и будут преодолены те трудности (эволюция, трансформация письменной графики), перед которыми останавливается лабораторная техника. Если такой подход оправдается, то определение индивидуальных особенностей почерка обретет свое подлинное основание в истории письма, рассматриваемого в его динамическом аспекте, ибо в каждом почерке мы будем усматривать модификацию определенной динамической схемы с ее возможными сдвигами. Направление тенденции, в которой была и остается работа с жестом, может изменяться и даже и эволюция, трансформация может, отчасти разрушена данным писцом.

И. П. МЕДВЕДЕВ

РЕВИЗИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ДОКУМЕНТОВ НА РУСИ В КОНЦЕ XIV в.

Среди большого числа всевозможных греческих актов и грамот, дошедших до нас в составе подлинного регистра Константинопольского патриархата (cod. Vindob. hist. graec. 48, XIV в.¹), на л. 77 об.—78 об. содержится копия одного чрезвычайно важного во многих отношениях (и прежде всего с точки зрения русско-византийских дипломатических и делопроизводственных связей) патриаршего документа. Речь идет об инструкции (*δποτύπωσις*) патриарха Антония от 29 октября 1393 г. византийским послан, отправлявшимся с важной инспекторской миссией на Русь. Этот документ (как и все прочие, содержащиеся в ре-

¹ Детальный кодикологический, палеографический и дипломатический анализ рукописи впервые осуществлен Даррузесом (Darrouzès J. Le registre synodal du patriarcat byzantin au XIVe siècle. Etude paléographique et diplomatique. Paris, 1971. См. также: Hunger H. Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek. T. I. Wien, 1961, S. 55.